

А. В.
АМОИТЕАТРОВ

Амфитеатров А. В. Мертвые боги: Рассказы. Роман М.: Современник, 1991.-- (Из наследия). // ISBN: 5-270-01012-7 FB2: "rvvg ", 07.05.2009, version 2.8 UUID: 229DA5C4-14CB-463B-921E-FED3C8B65E85 PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

**Александр Валентинович
Амфитеатров**

**История одного
сумасшествия**
(Сказочные были (1904))

Сборник «Мертвые боги» составили рассказы и роман, написанные А. Амфитеатовым в России. Цикл рассказов «Бабы и дамы» — о судьбах женщин, порвавших со своим классом из-за любви, «Измена», «Мертвые боги», «Скиталец» и др. — это обработка тосканских, фламандских, украинских, грузинских легенд и поверий. Роман «Отравленная совесть» — о том, что праведного убийства быть не может, даже если внешне оно оправдано.

Из раздела «Италия»

Содержание

#1	0005
Примечания	0039

История одного сумасшествия

В маленьком красивом театре города Корфу поставили для открытия сезона Вагнерова «Лоэнгрин».

Торжество «премьеры» собрало на спектакль весь местный «свет» — корфиотов постоянных и временных, здоровых островитян и болеющих иностранцев. Впрочем, не все «болеющих». В первом ряду кресел, прямо позади капельмейстерского места, сидели два господина, столь цветущего вида, что на них в антрактах оперы с любопытством обращались бинокли почти из всех лож. Особенно нравился младший из двух — огромный, широкоплечий блондин, с пышными волнами волос, зачесанных назад, без пробора, над добродушным, открытым лицом, с которого застенчиво и близоруко смотрели добрые иссера-голубые глаза. Несмотря на длинную золотистую бороду английской стрижки, молодец этого даже по первому взгляду нельзя было принять ни за англичанина, ни за немца; сразу бросался в глаза мягкий и расплывчатый славянский тип. И действительно, гигант был русский, из Москвы, по имени, отчеству и фамилии Алексей Леонидович Дебрянский.

Сосед его, тоже русский, темно-русый, в одних усах, без бороды, был пониже ростом и жиже сложением, зато брал верх над соотечественником смелую свободу и изяществом осанки, чего москвичу сильно не хватало. Загорелое, значительно помятое жизнью и уже не очень молодое лицо второго русского — скорее эффектное, чем красивое, — оживлялось быстрыми карими глазами, умными и проницательными на редкость; видно было, что обладатель их — тертый калач, бывалый и на возу, и под возом, и мало чем на белом свете можно его смутить и удивить, а испугать — лучше и не браться. Наружность интересного господина соответствовала репутации, которая окружала его имя: это был граф Валерий Гичовский, знаменитый путешественник и всесветный искатель приключений, полученный, полумистик, для одних — мудрец, для других — опасный фантазер, сомнительный авантюрист-бродяга.

Дебрянский всего лишь утром прибыл на Корфу с пароходом из Патраса, встретил графа в кафе на Эспланаде, познакомился, разговорился, счелся общими знакомыми — и да-

же чувствовалось, что они сдружатся. Дебрянский был очень счастлив, что случай послал ему навстречу такого опытного путешественника, как Гичовский. Вопреки своей богатырской внешности, Алексей Леонидович странствовал не совсем по доброй воле, — врачи предписали ему провести, по крайней мере, год под южным солнцем, не смея даже думать о возвращении в северные туманы. И вот теперь он приискивал себе уголок, где бы зазимовать удобно, весело и недорого. Человек он был не бедный, но сорить деньгами в качестве знатного иностранца и не хотел, и не мог.

Что он болен, Дебрянский, по выезде из Москвы, никому не признавался и сам желал о том позабыть, выдавая себя просто за туриста и ведя соответственно праздный образ жизни. Нервная болезнь, выгнавшая его с родины, была очень странного характера и развивалась на весьма необыкновенной почве.

Незадолго перед тем, как Дебрянскому заболеть, сошел с ума короткий приятель его, присяжный поверенный Петров, веселый малый, один из самых беспардонных прожига-

телей жизни, какими столь бесконечно богата наша Первопрестольная. Психоз Петрова, возникнув на люэтической подготовке, выростал медленно и незаметно. Решительным толчком к сумасшествию явился трагический случай, страшно потрясший расшатанные нервы больного. У него завязался любовный роман с одною опереточною певицею, настолько серьезный, что в Москве стали говорить о близкой женитьбе Петрова. Развеселый адвокат не опровергал слухов...

Однажды, возвратясь домой из суда, он не мог дозвониться у своего подъезда, чтобы ему отворили. Черный ход оказался тоже заперт, а — покуда встревоженный Петров напрасно стучал и ломился — подоспели с улицы кухарка и лакей его. Они тоже очень изумились, что квартира закупорена наглухо, и рассказали, что уже с час тому назад молоденькая домоправительница Петрова, Анна Перфильевна, услала их из дому за разными покупками по хозяйству, а сама осталась одна в квартире. Тогда сломали двери и — в рабочем кабинете Петрова, на ковре — нашли Анну мертвою, с раздробленным черепом; она за-

стрелилась из револьвера, который выкрала из письменного стола своего хозяина, сломав для того замок. Найдена была обычная записка: «Прошу в моей смерти никого не винить, умираю по своим неприятностям». Петров был поражен страшно. Еще года не прошло, как, во время одной блестящей своей защиты в провинции, он сманил эту несчастную — простую перемышльскую мещанку. Что самоубийство Анны было вызвано слухами о его женитьбе, Петров не мог сомневаться. В корзине для бумаг под письменным столом, у которого подняли мертвую Анну, он нашел скомканную записку ее к нему, начатую было — как видно — перед смертью, но неоконченную. «Что ж? Женитесь, женитесь... а я вас не оставлю...» — писала покойная и — больше ничего, только перо, споткнувшись, разбросало кляксы.

Петрову не хотелось расставаться с квартирой, хотя и омраченную страшным происшествием: его связывал долгосрочный контракт, с крупной неустойкою. Однако он выдержал характер лишь две недели, а затем все-таки бросил деньги и переехал: жутко ста-

ло в комнатах, и прислуга не хотела жить. В день, как похоронили Анну, Петров, измученный впечатлениями и сильно выпив на помин грешной души покойной, задремал у себя в кабинете. И вот видит он во сне: вошла Анна, живая и здоровая, — только бледная очень и холодная, как лед, — села к нему на колени, как, бывало, при жизни, и говорит своим тихим, спокойным голосом:

— Вы, Василий Яковлевич, женитесь, женитесь... только я вас не оставлю, не оставлю...

И стала его целовать так, что у него дух занялся. Петров с удовольствием отвечал на ее бешеные ласки, как вдруг его ударила страшная мысль: «Что ж я делаю? Как же это может быть? Ведь она мертвая».

И тут он, охваченный неопишуемым ужасом, заорал благим матом и проснулся — весь в поту, с головою тяжелою, как свинец, от трудного похмелья, и в отвратительнейшем настроении духа.

На новой квартире он закутил так, что по всей Москве молва прошла. Потом вдруг заперся, стал пить в одиночку, никого не при-

нимая, даже свою предполагаемую невесту, опереточную певицу. Потом также неожиданно явился к ней поздною ночью — дикий, безобразный, но не пьяный — и стал умолять, чтобы поторопиться свадьбою, которую сам же до сих пор оттягивал. Певица, конечно, согласилась, но поутру — суеверная, как большинство актрис, — поехала в Грузины, к знаменитой цыганке-гадалке, спросить насчет своей судьбы в будущем браке...

Вернулась в слезах...

— В чем дело? Что она вам сказала? — спрашивал невесту встревоженный жених.

Та долго отнекивалась, говорила, что «глупости», наконец призналась, что гадалка напрямик ей отрезала:

— Свадьбы не бывать. А если и станется, на горе твое. Он не твой. Промежду вас мертвым духом тянет.

Петров выслушал и не возразил ни слова. Он стоял страшно бледный, низко опустив голову. Потом поднял на невесту глаза, полные холодной, язвительной ненависти, дико улыбнулся и тихим, шипящим голосом произнес:

— Пронюхали...

Он прибавил непечатную фразу. Певица так от него и шарахнулась. Он взял шляпу, засмеялся и вышел. Больше невеста его никогда не видала.

В дворянском собрании был студенческий вечер. Битком полный зал благоговейно безмолвствовал: на эстраде стояла Мария Николаевна Ермолова — эта величайшая трагическая актриса русской сцены — и, со свойственной ей могучею экспрессией, читала «Коринфскую невесту» Гете, в переводе Алексея Толстого... Когда, величественно повысив свой мрачный голос, артистка медленно и значительно отчеканила роковое завещание мертвой невесты-вампира:

*И, покончив с ним,
Я пойду к другим,
Я должна идти за жизнью
вновь, —*

за колоннами раздался захлебывающийся вопль ужаса, и здоровенный мужчина, шатаясь, как пьяный, сбивая с ног встречных, бросился бежать из зала, среди общих криков и смятения. Это был Петров. У выхода полицей-

ский остановил его. Он ударил полицейского и впал в бешеное буйство. Его связали и отправили в участок, а поутру безумие его выразилось столь ясно, что оставалось лишь сдать его в лечебницу для душевнобольных. Врачи определили прогрессивный паралич в опасном буйном периоде бреда преследования. Ему чудилось, что покойная Анна, его любовница-самоубийца, навещает его из-за гроба, и между ними продолжают те же ласки, те же отношения, что при жизни, и он не в силах сбросить с себя иго страшной помертвой любви, а чувствует, что она его убивает. Вскоре буйство с Петрова сошло — и он стал умирать медленно и животно, как большинство прогрессивных паралитиков. Галлюцинации его не прекращались, но он стал принимать их совершенно спокойно, как нечто должное, что в порядке вещей.

Дебрянский, старый университетский товарищ Петрова, был свидетелем всего процесса его помешательства. В полную противоположность Петрову, он был человеком редкого равновесия физического и нравственного, отличного здоровья, безупречной наследствен-

ности. Звезд с неба не хватало, но и в недалеких умах не числился, в образцы добродетели не стремился, но и в пороки не вдавался, — словом, являлся примерным типом образованного московского буржуа, на холостом положении, завидного жениха и, впоследствии, конечно, прекрасного отца семейства. Когда Петров начал чудачить чересчур уже дико, большинство приятелей и собутыльников стали избегать его: что за охота сохранять близость с человеком, который вот-вот разразится скандалом? Наоборот, Дебрянский — вовсе не бывший с ним близок до того времени — теперь, чувствуя, что с этим одиноким нелепым существом творится что-то неладное, стал чаще навещать его. Продолжал свои посещения и впоследствии, в лечебнице. Петров его любил, легко узнавал и охотно с ним разговаривал. Дебрянский был человек любопытный и любознательный. «Настоящего сумасшедшего» он видел вблизи в первый раз и наблюдал с глубоким интересом.

— А не боитесь вы расстроить этими упражнениями свои собственные нервы? — спросил его ординатор лечебницы, Степан

Кузьмич Прядыльников, на чьем попечении находился Петров.

Дебрянский только рассмеялся в ответ:

— Ну, вот еще! Я — как себя помню — даже не чувствовал ни разу, что у меня есть нервы; хоть бы узнать, что за нервы такие бывают.

В дополнение к своим визитам в лечебницу, Дебрянского угораздило еще попасть в кружок оккультистов, который, следуя парижской моде, учредила в Москве хорошенькая барынька-декадентка, жена Радолина, компаньона Дворянского по торговому товариществу «Дебрянского сыновья, Радолин и Ко». Над оккультизмом Алексей Леонидович смеялся, да и весь кружок был затеян для смеха, и приключалось в нем больше флирта, чем таинственностей. Но Дебрянского, как неопита, для первого же появления в кружке, нагроутили сочинениями Элифаса Леви и прочих мистологов XIX века, которые он, по добросовестной привычке к внимательному чтению, аккуратнейшим образом изучил от доски до доски, изрядно одурманив их чертовщиною свою память и расстроив воображение. Однажды он рассказал своим колле-

гам-окультистам про сумасшествие Петрова.

— О! — возразил ему старик, важный сановник, считавший себя адептом тайных наук, убежденный в их действительности несколько более, чем другие. — О! Почему же сумасшедший? Сумасшествие? Хе-хе! Разве это новый случай? Он стар, как мир! Ваш друг не безумнее нас с вами, но он действительно болен ужасно, смертельно, безнадежно. Эта Анна — просто ламия, эмпуза, говоря языком древней демонологии... Вот и все! Прочтите Филострата: он описал, как Аполлоний Тианский, присутствуя на одной свадьбе, вдруг признал в невесте ламию, заклил ее, заставил исчезнуть и тем спас жениха от верной гибели... Вот! Ваш Петров во власти ламии, поверьте мне, а не безумный, нисколько не безумный...

Дебрянский слушал шамканье старика, смотрел на его дряблое, бабье лицо с бесцветными глазами и думал: «Посадить твое превосходительство с другом моим Васильем Яковлевичем в одну камеру — то-то вышли бы вы два сапога — пара!»

— Смотрите, Алексей Леонидович! — со

смехом смешалась хозяйка дома, — берегитесь, чтобы эта ламия, или как ее там зовут, не набросилась на вас. Они ведь ненасытные!

— Если бы я была ламией, — перебила другая бойкая барынька, — я бы ни за что не стала ходить к Петрову, — он такой скверный, грубый, пьяный, уродливый!.. Нет, я, полюбила бы какого-нибудь красивого-красивого.

— Да уж, разумеется, вести загробный роман с Петровым, когда тут же налицо *le beau Debriansky* [1],- это непростительно! У этой глупой ламии нет никакого вкуса!

Алексей Леонидович улыбался, но шутки эти почему-то не доставляли ему ни малейшего удовольствия, а напротив, шевелили где-то в глубоком уголке души — новое для него, — жуткое суеверное чувство.

Когда Петров принимался бесконечно повествовать о своей неразлучной мучительнице Анне, было и жаль, и тяжело, и смешно его слушать. Жаль и тяжело, потому что говорил он о галлюцинации ужасного, сверхъестественного характера, которую никто не в силах был представить себе без содрогания. А смешно — до опереточного смешно, — потому

что тон его при этом был самый будничнейший, повседневный тон стареющего фата, которому до смерти надоела капризная содержанка, и он рад бы с нею разделаться, да не смеет или не может.

— Я поссорился вчера с Анною, начисто поссорился, — ораторствовал он, расхаживая по своей камере и стараясь заложить руки в халат без карманов тем же фатовским движением, каким когда-то клал их в карманы брюк, при открытой визитке.

— За что же, Василий Яковлевич? — спросил ординатор, подмигивая Дебрянскому.

— За то, что неряха! Знаете, эти русские наши Церлины, — сколько ни дрессируй, все от них деревенщиной отдает... Хоть в семи водах мой! Приходит вчера, шляпу сняла, проводим время честь честью, целуемся. Глядь, а у нее тут вот, за ухом, все — красное, красное... «Матушка! Что это у тебя?» — «Кровь...» — «Какая кровь?» — «Как какая? Разве ты позабыл? Ведь я же застрелилась...» Ну, тут я вышел из себя, и — ну, ее отчитывать!... «Всему, — говорю, — есть границы: какое мне дело, что ты застрелилась? Ты на сви-

дание идешь, так можешь, кажется, и прибраться немножко! Я крови видеть не могу, а ты мне ее в глаза тычешь! Хорошо, что я нервами крепок, а другой бы ведь...» Словом, жучил ее, жучил — часа полтора! Ну, она молчит, знает, что виновата... Она ведь и живая-то была мо-ол-ча-ли-вая, — протянул он с внезапною тоскою. — Крикнешь на нее, бывало, — молчит... все молчит... все молчит...

— Вот тоже, — оживляясь, продолжал он, — сыростью от нее пахнет ужасно, холодом несет, плесенью какую-то... Каждый день говорю ей: «Что за безобразия?» Извиняется: «Это от земли, от могилы». Опять я скажу: «Какое мне дело до твоей могилы? В могиле можешь чем угодно пахнуть, но, раз ты живешь с порядочным человеком, разве так можно? Вытирайся одеколоном, духов возьми... опопонакс, корилопсис, есть хорошие запахи... поди в магазин, к Брокару там или Сиу какому-нибудь и купи». А она мне на это, дура этакая, представьте себе: «Да ведь меня, Василий Яковлевич, в магазин-то не пустят, мертвенькая ведь я...» Вот и толкуй с нею!

В другой раз Петров, когда Алексей Леони-

дович долго у него засиделся, бесцеремонно выгнал его от себя вместе с ординатором.

— Ну вас, господа, к черту! Посидели, и будет! — суетливо говорил он, кокетливо охорашиваясь пред воображаемым зеркалом, — она сейчас придет... не до вас нам теперь. Я уже чувствую: вот она... на крыльцо теперь вошла... ступайте, ступайте, милые гости! Хозяева вас не задерживают!

— Ну, *bonne chance pour tout!* [2] — засмеялся ординатор, — вы хоть бы когда-нибудь показали нам ее, Василий Яковлевич? А?

— Да, дурака нашли, — серьезно отозвался Петров. — Нет, батюшка, я рогов носить не желаю. А впрочем, — переменял он тон, — вы, наверное, встретите ее в коридоре... Ха-ха-ха! Только не отбивать! Только не отбивать!

И он залился хохотом, грозя пальцем то тому, то другому.

На Дебрянского эта сцена произвела удручающее впечатление. В коридоре он шел следом за Прядильниковым, потупив голову, в глубоком раздумье... А ординатор ворчал, озабоченно нюхая воздух.

— Опять эти идолы, сторожа, открыли фор-

точку во двор. Черт знает, что за двор! Малярная отравка какая-то, — и холод его не берет... Чувствуете, какая миазматическая сырость?

В самом деле, Дебрянского пронизало до костей холодной, влажной струей затхлого воздуха, летевшего им навстречу. Степан Кузьмич, с ловкостью кошки, вскочил на высокий подоконник и собственноручно захлопнул преступную форточку, с сердцем проклиная домохозяев вообще, а своего в особенности...

— Нечего сказать, в славном месте держим лечебницу.

Он крепко соскочил на пол и зашагал далее. В темном конце коридора, близко к выходу, он столкнулся лицом к лицу с дамою в черном платье. Она показалась Дебрянскому небольшого роста, худенькою, бледною, глаз ее было не видать под вуалем. Ординатор поменялся с нею поклоном, сказал: «Здравствуйте, голубушка!» — и прошел. Вдруг он перестал слышать позади себя шаги Дебрянского... Обернулся и увидал, что тот стоит — белый, как мел, бессильно прислонясь к сте-

не, и держится рукою за сердце, дико глядя в спину только что прошедшей дамы.

— Вам дурно? Припадок? — бросился к нему врач.

— Э... э... это что же? — пролепетал Дебрянский, отделяясь от стены и тыча пальцем вслед незнакомке.

— Как что? Наша кастелянша, Софья Ивановна Круг.

Дебрянский сразу покраснел, как вареный рак, и даже плюнул от злости.

— Нет, доктор, вы правы: надо мне перестать бывать у вас в лечебнице. Тут нехотя с ума сойдешь... Этот Петров так меня настроил... Да нет! Я даже и говорить не хочу, что мне вообразилось.

Оберегая свои нервы, Дебрянский перестал бывать у Петрова и вернул Радолиной Элифаса Леви, Сара Пеладана и весь мистический бред, которым было отравился.

— Ну их! От них голова кругом идет.

— Ах, изменник! — засмеялась Радолина, — ну, а что ваш интересный друг и его прекрасная ламия? Влюблена она уже в вас или нет?

— Типун бы вам на язык! — с неожиданно искреннею досадою возразил Алексей Леонидович.

Недели две спустя докладывают ему в конторе, что его спрашивает солдат из лечебницы с запискою от главного врача. Последний настойчиво приглашал его к Петрову, так как у больного выпал светлый промежуток, которым он сам желал воспользоваться, чтобы дать Дебрянскому кое-какие распоряжения по делам. «Торопитесь, — писал врач, — это последняя вспышка, затем наступит полное отупение, он накануне смерти».

Дебрянский отправился в лечебницу пешком, — она отстояла недалеко, — захватив с собою посланного солдата. Это был человек пожилой, угрюмого вида, но разговорчивый. По дороге он посвятил Дебрянского во все хозяйственные тайны странного, замкнутого мирка лечебницы, настоящею королевою которой — по интимным отношениям к попечителю учреждения — оказывалась кастелянша, та самая Софья Ивановна Круг, что встретила недавно Дебрянскому с ординатором в коридоре, у камеры Петрова. По словам солда-

та, весь медицинский персонал был в открытой войне с этою особою. «Только супротив нее и сам господин главный врач ничего не могут поделать, потому что десять лет у его сиятельства в экономках прожила и до сих пор от них подарки получает». Солдат защищал врачей, ругал Софью Ивановну ругательски и сожалел князя-попечителя.

— И что он в ней, в немке, лестного для себя нашел? Никакой барственной деликатности! Рыжая, толстая — одно слово слон персидский!

Алексея Леонидовича словно ударили.

— Что-о-о? — протянул он, приостанавливаясь на ходу, — ты говоришь: она рыжая, толстая?

— Так точно-с. Гнедой масти — суцая кобыла ногайская.

У Дебрянского сердце замерло и холод по спине побежал; значит, они встретили тогда не Софью Ивановну Круг, а кого-то другую, совсем на нее не похожую, и ординатор солгал... Но зачем он солгал? Что за смысл был ему лгать?

Страшно смущенный и растерянный, он

собрался с духом и спросил у солдата:

— Скажи, брат, пожалуйста, как у вас в лечебнице думают о болезни моего приятеля Петрова?

Солдат сконфузился:

— Что же нам думать? Мы не доктора.

— Да что доктора-то говорят, я знаю. А вот вы, служители, не заметили ли чего-нибудь особенного?

Солдат помолчал немного и потом, залпом, решительно выпалил:

— Я, ваше высокоблагородие, так полагаю, что им бы не доктора надо, а старца хорошего, чтобы по требнику отчитал.

И, почтительно приклоня рот свой к уху Дебрянского, зашептал:

— Доктора им, по учености своей, не верят, говорят «воображение», а только они, при всей болезни своей, правы: ходит-с она к ним.

— Кто ходит? — болезненно спросил Дебрянский, чувствуя, как сердце его теснее и теснее жмут чьи-то ледяные пальцы.

— Анна эта... ихняя, застреленная-с...

— Бог знает что!

Дебрянский зашагал быстрее.

— Ты видел? — отрывисто спросил он на ходу, после короткого молчания.

— Никак нет-с. Так чтобы фигурую — не случилось, а только имеем замечание, что ходит.

— Какое же замечание?

— Да вот хоть бы намедни, Карпов, товарищ мой, был дежурный по коридору. Дело к вечеру. Видит: лампы тускло горят. Стал заправлять — одну, другую... только вот откуда-то его так и пробирает холодом, сыростью так и обдает — ровно из погреба.

— Ну-ну... — лихорадочно торопил его Дебрянский.

— Пошел Карпов по коридору посмотреть, где форточка открыта. Нет, все заперты. Только обернулся он и видит: у Петрова господинна в номер дверь приотворилась и затворилась... и опять мимо Карпова холодом понесло... Карпову и взбрело на мысль: а ведь это не иначе, что больной стекло высадил да бежать хочет... Пошел к господину Петрову, а тот — без чувствия, еле жив лежит... Окно и все прочее цело... Ну, тут Карпов догадался, что это у них Анна ихняя в гостях была, и обу-

ял его такой страх, такой страх... От службы пошел было отказываться, да господин главный врач на него как крикнет! Что, говорит, ты, мерзавец этакий, бредни врешь? Вот я самого тебя упрячу, чтобы тебе в глазах не мерещилось...

— Ему не мерещилось, — с внезапным убеждением сказал Дебрянский.

— Так точно, ваше высокоблагородие, человек трезвый, своими глазами видел. Да разве с господином главным врачом станешь спорить?

Петрова Алексей Леонидович застал в постели, крайне слабым, но вполне разумным. Говорил он тихим, упавшим голосом.

— Вот что, брат Алексей Леонидович, — шептал он, чувствую, что капут, разделка... ну и того... хотел проститься, сказать нечто...

— Э! Поживем еще! — бодро стал было утешать его Дебрянский, но больной отрицательно покачал головою.

— Нет, конечно, умираю. Съела она меня, съела... Вы не гримасничайте, Степан Кузьмич, — улыбнулся он в сторону ординатора, — это я про болезнь говорю: съела, а не

про другое что...

Тот замахал руками:

— Да Бог с вами! Я и не думал!

— Так вот, любезный друг, Алексей Леонидович, — продолжал Петров, — во-первых, позволь тебя поблагодарить за все участие, которое ты мне оказал в недуге моем... Один ведь не бросил меня околевать, как собаку.

— Ну, что там... стоит ли? — пробормотал Дебрянский.

— Затем — уж будь благодетелем до конца. Болезнь эта так внезапно нахлынула, дела остались неразобранными, в хаосе... Ну, клиентуру-то совет распорядится, а вот по части личного моего благосостояния, просто уж и ума не приложу, что делать. Прямых наследников у меня, как ты знаешь, нету. Завещания не могу уже сделать: родственники оспаривать будут дееспособность и, конечно, выиграют... Между тем хотелось бы, чтобы деньги пошли на что-нибудь путное... Да... о чем бишь я?

Глаза его помутились было и утратили разумное выражение, но он справился с собою и продолжал:

— Так вот завещания-то я не могу сделать, а между тем мне бы хотелось и тебе что-нибудь оставить на память... на память, чтобы не забыл... Дрянь у меня родня, ничего не дадут... на память, чтобы не забыл... Анне-бедняжке памятник следовало бы... Мертвенькая она у меня... памятник, чтобы не забыл...

Он страшно слабел и путал слова. Ордина-тор заглянул ему в лицо и махнул рукою.

— Защелкнуло! — сказал он с досадою. — Теперь вы больше толку от него не добьетесь! Он уже опять бредит.

Больной тупо посмотрел на него.

— Ан не брежу! — хитро и глупо сказал он, — завещание! Вот что!.. Дебрянскому — чтобы не забыл! Что? Брежу? Только завещать — тю-тю! Нечего! Вот тебе и — чтобы не забыл. А вы — брежу! Как можно? Завещание Анна съела... хе-хе! глупа — ну, и съела! Ну, и шиш тебе, Алексей Леонидович! Шиш с маслом!

И он стал смеяться тихим, бессмысленным смехом. Потом, как бы пораженный внезап-ною мыслью, уставился на Дебрянского и долго рассматривал его пристально и серьезно.

Потом сказал медленно и важно:

— А знаешь что, Алексей Леонидович? За-
вещаю-ка я тебе свою Анну?

— Угостил! — улыбнулся ординатор, а Де-
брянский так а встрепенулся, как подстрелен-
ная птица:

— Господи! Василий Яковлевич! Что ты
только говоришь?

Больной снисходительно замахал руками:

— Не благодари, не благодари... не стоит!
Анну — тебе, твоя Анна... ни-ни! Кончено! Бе-
ри, не отнекивайся!.. Твоя! Уступаю!.. Только
ты с нею строго, строго, а то она — у-у-у какая!
Меня съела и тебя съест. Бедовая! Чувства га-
сит, сердце высушивает, мозги помрачает,
вытягивает кровь из жил. Когда я умру, вели
меня анатомировать. Увидишь, что у меня
вместо крови — одна вода и белые шарики...
как бишь их там?.. Хоть под микроскоп! Ха-ха-
ха! И с тобою то же будет, друг, Алексей Лео-
нидович, и с тобой! Она, брат, молода: жить
хочет, любить. Ей нужна жизнь многих, мно-
гих...

Дебрянский слушал этот хаос слов с ка-
ким-то глухим отчаянием.

— Да что вы! — шептал ему ординатор, — на вас лица нету... Опомнитесь! Ведь это же бред сумасшедшего...

А Петров лепетал:

— Я давно ее умоляю, чтобы она перестала меня истязать. Что, мол, тебе во мне? Ты меня всего иссушила. Я — выеденное яйцо, скорлупа без ореха. Дай мне хоть умереть спокойно, уйди. Она говорит: уйду, но дай мне, взамен себя, другого. Сказываю тебе: молода, не дожидила свое и не долюбила. Ну что ж? Ты приятель мой, друг, я тебе благодарен... вот ты ее и возьми, приюти, пусть тебя любит... ты стоишь... возьми, возьми!

— Уйдем! Это слишком тяжело! — пробормотал Дебрянский, потянув ординатора за рукав.

— Да, невесело! — согласился тот.

Они вышли.

*И, покончив с ним,
Я пойду к другим,
Я должна, должна идти за жизнью
вновь... —*

летела им вслед безумная декламация и хохот Петрова.

Очутясь в коридоре, Дебрянский огляделся, как после тяжелого сна, и, вспомнив нечто, взял ординатора за руку.

— Степан Кузьмич! — сказал он дружеским и печальным голосом, — зачем вы мне тогда солгали?

Прядильников вытаращил на него глаза:

— Когда?!

— А помните, вот на этом самом месте мы встретили...

— Софью Ивановну Круг. Помню, потому что вам тогда что-то почудилось и вы чуть не упали в обморок.

— Это не Софья Ивановна была, Степан Кузьмич.

Ординатор пристально взглянул ему в лицо.

— Извините меня, голубчик, но вам нервочки подтянуть надобно! — мягко сказал он. — Как не Софья Ивановна? Да хотите, мы позовем ее сейчас, самое спросим.

И он толкнул Дебрянского в боковую дверь, за которою помещалась амбулаторная приемная.

— Софья Ивановна! — крикнул он, отворяя

еще какую-то дверь, — благоволите пожаловать сюда.

— Gleich! [3]

Выплыла огромная, казенного образца немка aus Riga [4], с молочно-голубыми глазами и двойным подбородком.

— Вот-с... — показал в ее сторону всей рукою ординатор, — Софья Ивановна! Голубушка! Вы помните, как, с неделю тому назад, встретили меня вот с этим господином возле номера господина Петрова.

— Oh, ja! [5] — протянула немка голосом сырым и сдобным. — Я очень помниль. Потому что каспадин был очень bleich [6], и я очень себе много удивлений даваль, зашем такой braver Herr [7] есть так много очень bleich...

— Ну-с? Вы слышали? — засмеялся ординатор.

Дебрянский был поражен до исступления. Свидетельство немки непременно доказывало, что Степан Кузьмич его не морочил, а между тем он присягнуть был готов, что у встреченной тогда дамы был другой овал лица, другие стан, рост...

«Да не столковались же они, наконец, нарочно мистифицировать меня! — подумал он с тоскою, — когда им было, и зачем».

И, вежливо улыбнувшись, он обратился к Софье Ивановне:

— Извините, пожалуйста. Я вот спорил со Степаном Кузьмичом. Мне тогда вы показались совсем не такою.

— О! Я из бань шел, — получил он прозаический и добродушный ответ. — Из бань шеловек hat immer [8] разный лизо, и я имел лизо весьма очень разный...

Глупая немка, «с весьма очень разным лицом», своим комическим вмешательством в фантастическую трагедию жизни Петрова, так ошеломила и успокоила Дебрянского, что он вышел из лечебницы с легким сердцем, хоча над своим легковерием, как ребенок. По пути из лечебницы он, пересекая Пречистенский бульвар, встретил сановника-окультиста. Старичок совершал предобеденную прогулку и заглядывал под шляпки гувернанток и платочки молоденьких нянь, вечно гуляющих с детьми по этому бульвару, решительно без всякого опасения нарваться на какую-ни-

будь эмпузу или ламию. Дебрянский прошел вместе с ним всю бульварную линию.

— О! — сказал старый чудак, когда Дебрянский, смеясь, рассказал, какую штуку сыграли с ним расстроенные нервы. — О! Вы совершенно напрасно так легко разуверились. Меня эта история только убеждает в моем первом предположении — что вы имеете дело с ламией. Они ужасные бестии, эти ламии, — могут принимать какой угодно вид и форму, когда на них смотрят живые люди... Да! Так что вы, молодой друг мой, несомненно видели не эту толстомясую немку, — которая, впрочем, столь аппетитна, что, я надеюсь, вы не откажете сообщить мне ее адрес! — но ламию, самую настоящую ламию, в настоящем ее виде. А господину ординарцу она представилась немкою... еще раз очень прошу вас: дайте мне ее адрес.

На мгновение Дебрянского как бы ожгло.

«Глупости! — с досадою сказал он про себя, — довольно дурить! Пора взять себя в руки! Что я — семидесятилетний рамолик, что ли, выживший из ума?»

И, расхохотавшись, он завел с генералом

фривольный разговор о ламиях, немках и встречаемых гуляющих дамах.

В контору свою Дебрянский уже не пошел. Он очень весело провел день, был в театре, потом поужинал с знакомым в «Эрмитаже» и вернулся домой часу в третьем утра. Уютная холостая квартирка встретила его теплом и комфортом. В спальне, ласково грея, тлел камин. У Дебрянского была привычка — перед сном выкуривать папиросу около огонька. Он разделся и, в одном белье, сел в кресло у камина, подбросив в него еще два полена дров. Огонь вспыхнул, ярко озарил всю комнату красным шатающимся светом. Алексей Леонидович сидел, курил и чувствовал себя очень в духе... Он вспоминал только что виденную веселую оперетку, с примадонною, такую же толстою, как утром немка в лечебнице, с ее очень разным лицом, вспомнил, как глупо мешала она немецкие слова с русскими...

«Уж не умеешь говорить по-русски, — качаясь в кресле, рассуждал он незаметно засыпающим умом, — так говори по-иностранному... иностранные слова... Да!.. цивилизация,

поэзия, абрикотин... Тьфу! Что это я?!» — опамтовался он и, встрепенувшись от дремы, подобрал выпавшую было изо рта на колени папиросу, но сейчас же уронил ее снова и заклевал носом.

«А многие есть и образованные, — продолжало качать его, — не знают говорить иностранные слова, — да... цивилизация, Стэнли, апельсин... иностранные... А поэзия это особо... Вавилов, музыкант, „дуэт“ не может выговорить, все на первый слог ударяет... Образованный, иностранный, а не может... дуэт Глинки, дуэт Стэнли, апельсинизация... Дуэт, дуэт, откуда, зачем дуэт?.. В коридоре дуэт... ужасно скверно, когда дуэт...»

Дебрянский недовольно повернулся в кресле, потому что на него в самом деле потянуло холодком, и слева, откуда дуло, он услышал, над самым своим ухом, будто кто-то греет руки: ладонь зашуршала о ладонь... Он лениво взглянул в ту сторону. На ручке ближайшего кресла — чуть видная в багряном отблеске потухающего камина — сидела маленькая, худенькая женщина в черном и, покачиваясь, терла, будто с холоду, рука об руку.

«Это... та! Немка из лечебницы! — спокойно подумал Дебрянский, — ишь, как иззябла... да, дует, дует... иностранная немка, с весьма очень разным лицом».

Черненькая женщина все грелась и мыла руки, не обращая на Алексея Леонидовича никакого внимания... Наконец она повернула к нему лицо — бледное лицо, с огромными глазами, бездонными, как омут, темными, как ночь... И бледные губки ее дрогнули, и странно сверкнули в полумраке ровные, белые, как кипень, зубы... и раздался голос, тихий, ровный и низкий, точно из-за глухой стены:

— Анною звать-то меня... Аннушка я... мы перемышльские...

Примечания

Этюд к фантастическому роману «Жар-цвет» (1895).

Печатается по изд.: Амфитеатров А. В. Сказочные были: Старое в новом. Спб., 1904.

Корфу — остров в Ионическом море.

«Лоэнгрин» — опера немецкого композитора Р. Вагнера (1848).

Люэтическая — от слова «люэс» — сифилис.

Ермолова М. Н. (1853–1928) — великая драматическая актриса.

Кружок оккультистов. — Оккультизм — учение, признающее существование скрытых сил в человеке и космосе, доступных для людей, прошедших определенную психическую подготовку и овладевших «тайным знанием». В конце XIX в. в России оккультизм привлекал внимание художественной интеллигенции; им интересовались, в частности, В. Я. Брюсов, М. А. Волошин.

Элифас Леей — французский оккультист, автор книги «История магии» и других трудов

по «тайным наукам».

Ламия (греч. мифол.) — коварная женщина-вампир.

Эмпуза (греч. мифол.) — ночной демон; часто являлся в виде прекрасной женщины и душил своих возлюбленных.

Филострат (вт. пол. III в.) — автор религиозно-философского романа «Жизнь Аполлония Тианского», посвященного знаменитому чудотворцу I в. неопифагорейцу Аполлонию.

Сар Пеладан — см. примеч. к рассказу «Черт».

«Эрмитаж» — знаменитый московский ресторан.

Примечания

1

Прекрасный Дебрянский (фр.).

[^^^]

Удачи во всем! (фр.).

[^^^]

Сейчас! (нем.).

[^^^]

Из Риги (нем.).

[^^^]

О, да! (нем.).

[^^^]

Бледный (нем.).

[^^^]

Бравый господин (нем.).

[^^^]

Всегда имеет (нем.).

[^^^]